

СЕРИЯ «ДЕТЕКТИВ*КА»

18+

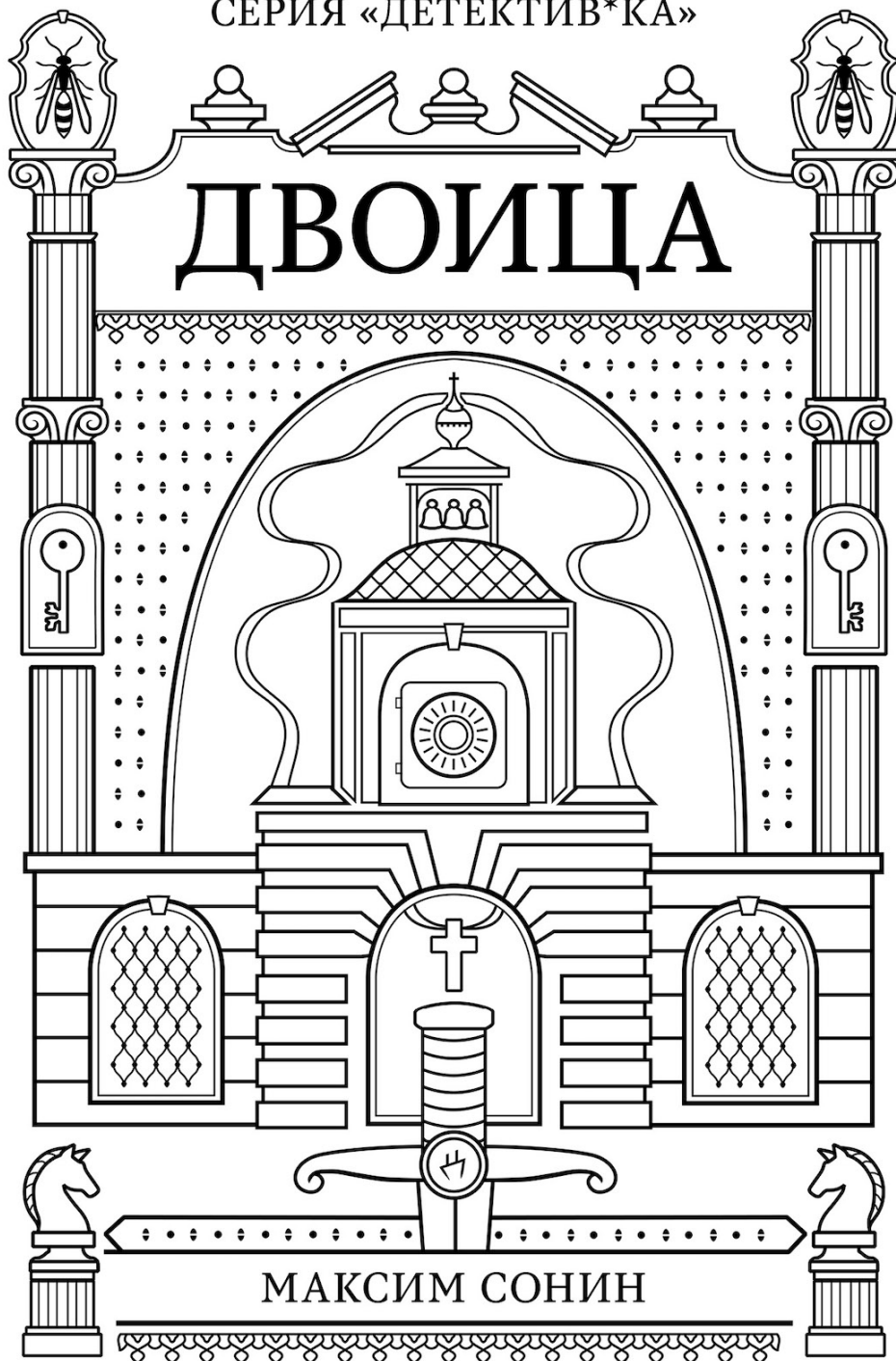
ДВОИЦА

МАКСИМ СОНИН

СЕРИЯ «ДЕТЕКТИВ*КА»

POPCORN BOOKS

Москва

Оглавление

ПРОЛОГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЭПИЛОГ

ПРОЛОГ

Раскинувшийся на востоке Москвы завод «Арма» вымер, изжаренный палящими лучами августовского солнца. Раскаленный, режущий кожу воздух размывал липнувший к подошвам асфальт и блестящие бронзовые крыши. Казалось, будто земля покрылась безвкусным, прозрачным потом и с трудом пытается выдохнуть через забитые поры подземных переходов.

Посередине центрального заводского переулочка замерла одинокая бездомная кошка. Ее шерсть вздыбилась, застыла пучками еловых иголок. Кошка сделала шаг к зданию, на кирпичном боку которого висел большой синий квадрат с рифленой цифрой 2, и только тут заметила, что улица совсем не пуста. По редким темным углам прятались люди: они выползали из здания, чтобы покурить и отдохнуть от коллег. На часах под огромной цифрой стрелка только перевалила за два и теперь медленно скользила к трем.

Под часами, плаваясь даже в тени, курили двое полицейских. Один, младший по званию, с нездоровым цветом лица, объяснял другому, тронутому сединой:

— Пойми, я его не защищаю, но и ты должен понимать, что система совершила ошибку. Человек не должен сидеть в тюрьме за чужие грехи.

Седой, которому не было еще и тридцати, был внутренне согласен с напарником, но чувствовал, что опыт и ранняя, в отца, седина требуют от него высказать авторитетную, а значит, более верную позицию.

— Не скажи, Слава. Ведь в итоге он совершил преступление, бесспорное, убийство. Значит, система просто сработала на опережение, — сказал седой и посмотрел на наручные часы. Черная головка минутной стрелки уперлась в двойку. До обеденного перерыва в конторке «Sys-Тема» оставалось пять минут.

Молодой хотел что-то еще сказать, но заметил время на часах и промолчал. Чтобы чем-нибудь себя занять, попытался взглянуть в тень здания номер три, которое прикрывало улицу полотняным навесом. Там из асфальта выростала невысокая терраса, изрезанная деревянными скамейками. Людей на скамейках не было, потому что до них нужно было пересечь белую полосу солнечного света.

Стеклянная дверь в стене здания номер два хлопнула, выпустила на улицу девушку-дизайнера. Ее профессия читалась и в солнечных очках с толстой белой оправой, и в широких, будто бы полиэтиленовых штанах, хлопающих при каждом шаге, и в том, с какой уверенностью она пересекла край тени, направляясь к скамейкам.

Девушку звали Вероника, и она считала себя скорее продюсером, чем дизайнером, но если дизайн приносил деньги, то музыка, клипы и рисунки пока оставались любимым хобби. В резюме Вероники, которое она раз в две недели вывешивала в фейсбук, первой строчкой значился именно «дизайн».

Вероника села на скамейку, с которой открывался вид на вход здания номер два и гигантский циферблат. Часы Веронике были не нужны, она собиралась вернуться в офис гораздо раньше окончания обеденного перерыва, но огромные черные цифры всегда привлекали ее внимание. Особенно цифра пять, которую хотелось назвать даже не «бюджетной», а прям-таки «дешевой». Автор часов как будто сдался на полпути, и цифры начиная с пятерки были толще и заметно стандартнее единицы, двойки, тройки и четверки. Вероника лениво думала о том, что, пока большие контракты достаются таким идиотам, она всегда с легкостью сможет найти работу.

Вероника вдохновлялась тем, что в мире еще есть несовершенства, которые она могла бы исправить. Ее не привлекала оригинальность, потому что среди ее друзей было слишком много тех, кто хотел сделать, создать или написать что-то «оригинальное». Все они витали в идеалистических облаках, которые надымили в девяностые трубы сибирских металлургических заводов. Проку от этого дыма было мало. Веронике хотелось улучшать, доводить до конца, достигать совершенства. Не придумывать, а реализовывать.

Она достала из поясной сумки пачку «Собрания» и несколько секунд разминала в пальцах тонкую сигарету. Бумага липла, и Вероника с неудовольствием заметила, что вспотела. Все-таки жара стояла невыносимая.

— Вероника? — спросил кто-то со стороны водосточной трубы. Вероника оглянулась и увидела фигурку, которая отделилась от стены и направилась к ее скамейке. Это была молодая девушка, почти девочка, довольно странно одетая. Кроме светлых джинсов и заправленной в них клетчатой рубашки, на незнакомке была красная зимняя жилетка с большими карманами на груди, которая делала ее похожей на лондонскую телефонную будку.

— Простите, я вас не помню, — сказала Вероника. На вечеринках, куда Веронику иногда приглашали подиджеить знакомые, лица сменялись с невероятной скоростью. Тем более она не помнила по имени всех, с кем в разные моменты курила на этой самой скамейке: в зданиях бывшего завода располагалось несколько десятков контор, в которых работали бесконечно похожие друг на друга парни и девушки.

— Мы не знакомы, — сказала девушка, садясь на скамейку. Между ней и Вероникой осталось довольно много места, и Вероника вдруг подумала, что сейчас девушка достанет из маленького рюкзака коробку шахмат. Вместо этого незнакомка положила на желтые деревяшки сжатый кулак. Несколько секунд ничего не происходило, потом кулак разжался, и Вероника увидела потертый бронзовый ключ.

— Что это? — спросила она.

— Ключ, — сказала незнакомка. Она снова сжала кулак, потрясла им и чуть наклонила голову, будто пытаюсь рассмотреть Вероникин подбородок.

— Мириам, — сказала она наконец.

На самом деле друзья с детства звали девушку Мишкой. Имя Мириам досталось ей вместе с фамилией Файнберг от отца, Бориса Александровича Файнберга, который всего через три месяца после Мишкиного рождения уехал с девятнадцатилетней любовницей в Тель-Авив. В четырнадцать лет Мишка поменяла фамилию на Миронову, девичью фамилию матери, и окончательно стала Мишкой, потому что представляться кому-либо Мириам Мироновой было бы просто глупо. Дурацкое имя Мишка вспоминала только тогда, когда нужно было произвести впечатление на собеседника, — не говорить же ментам и вот таким девушкам-дизайнерам: «Здравствуйте, меня зовут Мишка».

Представляясь, Мишка протянула Веронике левую руку. Та не смутилась, крепко сжала Мишкину ладонь.

— Вы из полиции? — спросила Вероника.

— Нет, просто заинтересованное лицо, — сказала Мишка. Она видела полицейских возле циферблата боковым зрением. Еще двое должны были стоять за углом.

— Что вас заинтересовало? — спросила Вероника.

— Расскажите, пожалуйста, о том, что случилось у вас в квартире десятого числа этого месяца, —

попросила Мишка. Она устроилась поудобнее и приготовилась слушать.

— Я уже столько раз рассказала все полиции, что вы хотите услышать? — Вероника улыбнулась. Девочка, а Вероника уже решила, что перед ней скорее девочка, чем девушка, ей понравилась. В ее смешной, совсем не летней одежде было что-то домашнее, экстернатское. Будто бы ее одевала старая няня, заставшая еще революцию. На узком запястье Мириам среди кожаных браслетов сверкнул серебряный крестик.

— Ну расскажите еще раз, пожалуйста, — попросила Мишка. Она снова показала Веронике ключ.

Вероника вздохнула и сказала:

— Я поняла. Вас нанял мой отец. Хорошо, я расскажу все еще раз.

Мишка уже слышала эту историю от своего друга Вани. Именно Ванин пистолет нашли полицейские в руке мертвого Гриши Самойлова.

Вероника рассказывала хорошо заученный текст, и слушать его было скучно. Если бы Мишке нужно было кратко пересказать случившееся, например для «Медузы» или ПиС, она написала бы так:

Десятого мая две тысячи восемнадцатого года студентка МГУ Женя (имена не изменены. — Прим. Мишки Мироновой) сидела в своей комнате и готовилась к паре по лингвистике. В соседней комнате ее соседка Вероника монтировала рекламный ролик для одного известного московского пиар-агентства. В наушниках играли повторяющиеся кусочки рекламного джингла. Студенческая

идиллия — недорогая и просторная квартира, в которой у каждого свой уголок и есть куда пригласить друзей. Счастье и спокойствие, которым так часто не хватает места в современной Москве. То же говорят о подругах и знакомые: «Счастливые студентки. Всем бы хотелось жить так, не парясь о жилье. Может, и учились бы тогда лучше, а не как в нашей общежитии», — рассказал редакции студент Б.

Вероника работала и не обращала внимания на звуки, доносившиеся из комнаты подруги. Возможно, она думала, что та смотрит фильм ужасов, а может быть, и не слышала ничего из-за музыки в наушниках. Но когда в соседней комнате раздался выстрел, Вероника вскочила и бросилась к двери. Та оказалась заперта, как выяснится, ключом, который обычно валялся на столике в прихожей. Позже следователи найдут его в кармане третьего участника этой истории, Григория. Вероника, еще не зная, что случилось что-то непоправимое, позвала подругу, а когда та не ответила, попыталась открыть дверь силой. Замок не поддавался. Вероника позвонила Жене и услышала телефон в соседней комнате. Никто не подходил. Несколько минут спустя Вероника позвонила в полицию.

«Мы вскрыли дверь в квартиру, там было еще две двери из прихожей и коридор на кухню. Слева дверь в комнату была распахнута, там лежал Григорий, пистолет было сразу видно в руке. На кровати еще было видно девушку», — описывает страшную картину оперативник.

Тут Мишка улыбнулась, потому что у нее в голове дядя Сережа, следовательно, говорил всегда проще и как-то развязнее, чем в жизни.

— Вы что-то сказали? — спросила Вероника.

— Нет, продолжайте, — сказала Мишка.

— Я услышала, что в коридоре что-то сломалось, и позвала на помощь. Почти сразу мне в дверь постучали, а когда я отошла, полицейский выбил дверь и меня выпустили, — сказала Вероника.

— Вы видели тела? — спросила Мишка.

— Почти нет. Женя лежала на кровати, а Гриша на полу, — сказала Вероника.

— Мне очень жаль, что вам пришлось это увидеть. Давайте я сейчас восстановлю всю картину преступления, а вы скажете, если я где-то ошиблась, хорошо? — сказала Мишка. Вероника устало кивнула. — Ваш друг Гриша встречался с Женей. По какой-то причине он решил убить ее. Она его бросила? Он пришел в вашу с Женей квартиру, скорее всего, Женя егопустила. Гриша взял со столика в прихожей ключ, запер вашу дверь, полагаясь на то, что второй ключ не у вас, а у Жени. Он просто не хотел, чтобы вы ему помешали. После этого пошел к Жене и ударил ее в затылок рукоятью пистолета. Потом еще и еще, пока не стало ясно, что она умерла. После этого он застрелился. Так? — Мишка рукой подвела под сказанным черту.

Вероника кивнула.

— Вы не знаете, откуда он мог взять пистолет?

— Нет. — Вероника пожала плечами. — Купил, наверное.

Мишка покивала, потом чуть приподнялась.

— Вы сказали, что меня нанял ваш отец. Это неправда. Ко мне обратился ваш друг, который сказал, что в прошлые выходные вы с Женей и Гришей были у него в гостях и он, ваш друг, показывал вам пистолет, который с большим трудом купил для своей коллекции всякого армейского барахла. После вашего прихода пистолет пропал.

— Почему он не обратился в полицию? — спросила Вероника.

— С заявлением о пропаже огнестрельного оружия? Это срок, — сказала Мишка. — А интереснее то, почему вы не сказали полиции, откуда мог взяться пистолет. Защищали друга?

— Я не знаю, о чем вы, и не хочу больше с вами разговаривать. — Вероника поднялась.

— Еще секундочку. — Мишка цепко ухватила ее за запястье. — Я расспросила ваших друзей и знакомых. Все говорят, что никаких причин для ненависти к Жене у Гриши не было. Наоборот, их отношения все считали идеальными, насколько это возможно в современной Москве. Наверное, обидно, когда у вашей соседки получается то, что не получилось у вас?

Вероника вырвалась и, гордо приподняв голову, направилась к дверям здания номер два.

— Пойдите, — позвала Мишка, но было поздно. Полицейские, которые, казалось, дремали под гигантским циферблатом, ожили и пошли навстречу

Веронике. Они не спешили, надеясь, что девушка успеет дойти до линии тени. Выходить на солнце им явно не хотелось.

Мишка не рассказала Веронике главного — как из подозрительной свидетельницы Вероника стала серьезной подозреваемой. То, что Вероника знала про пистолет, на суде ничего бы не значило, даже если бы это удалось доказать. Но после того как Мишке написал Вероникин друг, тот самый, у которого пропал пистолет, Мишка попыталась выстроить новую картину преступления.

Сперва она не думала, что Вероника совершила убийство, скорее подозревала в ней бóльшую осведомленность. Мишка опросила друзей и сокурсников убитых — все в один голос утверждали, что Женя и Гриша были счастливой парой. Мишка отказалась от основы следствия — идеи о виновности Гриши. Тогда получалось, что Вероника украла у друга пистолет, забила насмерть Женю и — и тут становилось понятно, почему убийца не стал стрелять в Женю. Ведь если убийцей был Гриша, он мог бы застрелить свою девушку, а потом застрелиться сам. Веронике же нельзя было создавать много шума, потому что Гриша еще только должен был войти в квартиру. Видимо, Вероника точно знала время его прихода и убила подругу за несколько минут до этого. Потом пустила Гришу в квартиру, провела его в Женину комнату и, когда он в ужасе застыл перед кроватью, выстрелила ему в висок. После этого Вероника вложила пистолет ему в руку, в карман засунула ключи, вернулась в свою

комнату, заперла ее изнутри и надела наушники. Ей оставалось только вызвать полицию.

С этой версией событий была всего одна проблема: оба ключа от комнаты оказались снаружи запертой двери. Один — в Гришином кармане, другой — на кольце с ключами в Жениной сумочке. Значит, Вероника сделала дубликат, подумала Мишка. Дальнейшее было просто. Вооружившись фотографией Вероники, взятой с ее страницы во вконтакте, и фотографией ключа, полученной от дяди Сережи, Мишка прошла по всем мастерским соответствующего профиля в районе пятиэтажки, в которой жили Женя и Вероника. В третьей же мастерской бородатый мужик не только опознал Веронику, но и вынес со склада еще один дубликат, сделанный про запас. Именно его Мишка и показала Веронике в начале разговора.

После того как Вероникино алиби оказалось разбито, следствие провело новую экспертизу, чтобы установить, могла ли Вероника совершить убийство в соответствии с Мишкиными предположениями. Оказалось, могла. На ключе в Гришином кармане нашли микроскопическую каплю крови и Вероникины отпечатки пальцев. Гришиных отпечатков на ключе не было.

Мишка даже немного расстроилась: убийца оказалась неряшливая, глупая и невнимательная. Вот и теперь, вышагивая по раскаленной плитке, Вероника, казалось, не замечала два черных силуэта на своем пути.

Мишка вздохнула и отвернулась. Вероника была ей неприятна.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Адриан снял с себя мирское и прошелся по квартире так, нагишом. Мелкая лежала на кровати, спала, руки ее дрожали. Брат еще не вернулся.

Смотреть на голую девочку было приятно, хоть и нехорошо. Такой она нравилась Адриану больше всего — беспомощной, тихо бредящей. Если бы не отцовские наставления, Адриан бы уже давно прогнал ее брата и жил бы с мелкой вдвоем, но отцовский закон полагалось блюсти. Адриан посмотрел на икону, висевшую над кроватью, и пробормотал тихую молитву:

О великая Христова угодница, преподобная мати Марие! Услыши недостойную молитву мою, грешного Адриана, прикрой, преподобная мати, очи Христоса Господа Бога моего, честь ему и поклонение.

Закончил уже совсем скомканно, потому что хотелось поскорее присесть к мелкой. Опустился на кровать, почувствовал в простынях пот. Ладонь положил на вытянутую ногу, провел по мокрой коже. Мелкая

задрожала сильнее, открыла на мгновение глаза и снова провалилась в сон. Адриан довел палец до девочкиного бедра, постучал по выпирающей кости. Христос, а Адриан всегда его чувствовал, отвернулся, дозволил. Рука скользнула выше, и Адриану пришлось пересест поближе, чтобы потрогать грудь мелкой. Уже собирался ударить ладонью по белой коже, но тут мелкая что-то пробормотала, попыталась перевернуться на спину. Адриан нагнулся к ее лицу, поцеловал в щеку. Что-то она там говорила тихо. Молилась, наверное.

Мишкина бабушка, Екатерина Наумовна Файнберг, говорила, что Бог дает человеку или страдания, или смерть. Мишкиному дедушке Бог назначил умереть, и дедушка умер, не дожив до тридцати лет. Екатерине Наумовне Бог прописал страдания, и со смерти мужа до рождения внучки в ее жизни не было ни одного счастливого дня. Даже долгожданная женитьба единственного сына оказалась омрачена недобрим предчувствием, потому что Екатерина Наумовна хорошо знала своего Борю и не верила в его семейную жизнь. Лишь когда глупо улыбающаяся невестка Мария дала новоиспеченной бабушке подержать сверток с хорошим именем Мириам, Екатерина поняла, что отведенные на ее жизнь Богом страдания закончились. Для нее началась новая жизнь.

Во-первых, от единственного сына Екатерина благополучно отказалась даже раньше, чем он променял российскую жару на израильскую. Она не стала вычеркивать его из завещания, но перестала

принимать у себя дома, что было в семье страшнейшим наказанием. Какие бы конфликты ни разрывали многочисленных Файнбергов и подвластных им Фурманов и Мироновых, дом Екатерины Наумовны оставался нейтральной полосой и тихой гаванью, в которой каждый находил покой и прощение. Может быть, и Боря мог бы вернуть любовь и уважение матери, но для этого было необходимо обзавестись хотя бы одним из уважаемых ею качеств, а это требовало усилий, в то время как Тель-Авив ни о чем таком Борю не просил. Об изгнании Боря не жалел и по матери не скучал.

В семье изгнание чаще всего объяснялось разводом Бори и Марии, но, конечно, Екатерина Наумовна не стала бы отрекаться от сына из-за такой мелочи. Многочисленные разводы Фурманов не мешали им приходить к Екатерине Наумовне на пятничные ужины и семейные празднования вечно меняющимися составами, а скандальный дядя Саша, почти каждый год появлявшийся на можайской даче с новой пассией, считался екатерининским любимцем.

Боря же всегда был непутевым мальчиком, но главным его свойством, которое в конце концов и сподвигло Екатерину на столь серьезные санкции, была бессовестность, граничившая с подлостью. Когда Миша Фурман отказался прописывать в своей московской квартире вторую жену, он не скрывал причины — совершенного нежелания с этой квартирой расставаться. Третьей Мишиной жене это показалось очень умным (что тем не менее не помешало ей

обидеться до слез на то, что и ее Миша отказался прописывать в этой же самой квартире пару лет спустя). Несмотря на все эти пертурбации и Миша, и две его жены, вторая и третья (первая уехала в Канаду еще в девяностые), часто и иногда попарно оказывались за тяжелым дубовым столом, который занимал бóльшую часть екатерининской гостиной.

Боря же не предупредил жену о своем отъезде в Израиль. Боря не предупредил маму об отъезде в Израиль. А до этого дважды, также без предупреждения, пропускал празднования Нового года, ссылаясь после на несуществующую работу. В школе Боря обманывал учителей и одноклассников, сдавал других и никогда ни в чем не был виноват.

Иногда в нем ощущалась прямо-таки патологическая ненависть к принесению извинений или признанию вины. Он с легкостью давал обещания, которые не мог сдержать; забывал про дни рождения, крестины и поминки, а после придумывал все более невероятные отговорки. Последней каплей стало данное матери обещание назвать дочку именем его собственной бабушки — Ирины. Боря не только пообещал матери имя, но даже позвонил из роддома и сказал, что дочка благополучно названа.

Позже, узнав от Марии, что ребенка назвали красивым, но совершенно иным именем, Екатерина Наумовна позвонила сыну и попросила объяснений. Боря сказал, что на имени в последний момент настояла жена. Представить себе, что интеллигентная Маша Миронова, дочка Светланы и Георгия Мироновых, могла

предложить, а тем более настоять на том, чтобы назвать дочку Мириам, Екатерина Наумовна не могла. Ничего не ответив, она повесила трубку — это был ее последний разговор с сыном.

К Боре был послан парламентарий — скандальный дядя Саша, который и сообщил, что Боря более не будет приглашен в дом к матриарху. То же ограничение распространялось и на можайскую дачу. Боря сперва попытался ответить — запретил жене возить дочку к бабушке, — но вскоре случился отъезд в Израиль, и Мария снова стала бывать у Екатерины Наумовны.

Сперва Мария оставляла дочку у бабушки раз в месяц на пару часов. Потом — раз в две недели. Когда Мишке исполнилось два года, она стала проводить у бабушки выходные. Ее первым словом стало бабушкино имя: «Катерина». Вторым — «стол». Все в доме бабушки строилось вокруг стола: на нем расставлялись цветы и тарелки, за ним Мишка десять лет делала уроки, за ним на новеньком ноутбуке, подарке мамы и дяди Миши, Мишка впервые посмотрела «Стальные кольца» — сериал, который стал для нее вторым толчком в сторону криминалистики. Первым толчком были рассказы маминого брата, дяди Сережи, который работал следователем в московской полиции и часто бывал в гостях у Екатерины Наумовны.

Эти два человека, бабушка Екатерина и дядя Сережа, стали для маленькой Мишки маяками мудрости и спокойствия в безумном океане московской жизни. Бабушка учила Мишку, которую, единственная из всей семьи, называла Мирочкой, тому, что всем в мире

управляет Бог, а в каждой отдельной жизни Бог — это сам человек. Дядя Сережа учил, что Бога в мире давно не видно и его место занимает временный управляющий — Уголовный кодекс.

В самом начале их общения дядя Сережа и бабушка Екатерина относились друг к другу с осторожностью. Сережа был в семье человек новый, брат жены непутевого Бореньки. Его работа для клана Файнбергов была необычной: вместо искусства (как Мария, Миша и все его жены, их дети и остальные Фурманы) или на худой конец программирования (как дядя Саша) он занимался уголовным розыском, работал в московской полиции. Сережа говорил чуть «проще», чем дядя Миша (хотя никто, кроме Екатерины Наумовны, этого не замечал), и единственный позволял себе иногда отвечать отказом на ее приглашения, ссылаясь на работу. Впрочем, справедливая Екатерина Наумовна прощала ему эти прогулы, потому что Сережа был единственным членом семьи, у которого имелись строгий график и не менее строгое начальство.

Со временем быстро взбирающийся по званиям Сережа стал бывать у Екатерины чаще, а когда Мишке исполнилось восемь лет, стал захаживать почти каждую неделю. Он любил свою работу и никогда не стеснялся о ней рассказывать, а Мишка, после того как бабушка зародила в ней образовательный интерес, всегда внимательно его слушала. В такие моменты Екатерина Наумовна уходила на кухню заваривать чай и долго звенела чашками. Она считала, что хуже девочке от

рассказов дяди не станет, а может, что-то у нее в голове и перещелкнет.

Екатерина Наумовна и сама не сидела сложа руки. В свободное время она решила дать Мишке воспитание, которое ей не удалось подарить Боре. Мишке как раз исполнилось шесть лет и она должна была пойти в первый класс, когда Мария Миронова окончательно определилась со своими жизненными планами, вступила в арт-группу «ТА-РАН» и уехала на восьмимесячные гастроли по Европе и городам Золотого кольца. Дочку она со спокойной душой оставила бабушке, понимая, что так будет лучше для всех. Вряд ли на пользу ребенку могли пойти ночи на парижских улицах или в суздальской КПЗ. Бабушка не возражала: ей представился шанс снова почувствовать себя матерью.

Мишка была пухленьким и ленивым ребенком. Больше всего ей нравилось рисовать пальцами, а потом, когда она подросла, играть на семиструнной дедушкиной гитаре со странной надписью на грифе: «Губер-Кабаевск 72.23». Мишка ложилась на шершавый ковер в гостиной, клала рядом гитару и раз за разом дергала одну и ту же пятую струну.

Бабушка заглядывала в комнату, качала головой и шла на кухню, где в большом шкафу, упирающемся стенкой в холодильник, хранились ее любимые книги. За месяц, пока шестилетняя первоклассница Мишка играла на пятой струне, прерываясь только на еду, школу и сон, Екатерина Наумовна перечитала «Мастера и Маргариту», «Тихий Дон», «Войну и мир», «Идиота»,

«Преступление и наказание» и полное собрание сочинений Чехова. Именно на этих книгах воспитывался Боря. Когда пятая струна порвалась, Мишка перешла на четвертую, а бабушка взялась за «Сагу о Форсайтах», «Миддлмарч» и творчество Максима Горького. Эти книги любил покойный дедушка Александр.

Когда лопнула четвертая струна, Мишка спокойно взялась за шестую, а бабушка принялась за новую литературу. Из Центрального дома книги она попросила дядю Сашу привезти десяток детективных романов. Сама Екатерина Наумовна таких книг раньше не читала и поэтому совершенно в них не разбиралась.

За краткую жизнь шестой струны Екатерина Наумовна перезнакомилась с Эркюлем Пуаро, мисс Марпл, отцом Брауном, Шерлоком Холмсом, Иоанной, Ниро Вульфом, Огюстом Дюпеном и Раминой Браммом. Приготовившись таким образом, она забрала у Мишки гитару и вручила ей новенькую книжку — «Стальные кольца» Эсфирь Аир.

— Читай, — сказала Екатерина Наумовна.

Мишка послушно принялась читать вслух: *«Глава первая, в которой Рамина получает письмо. Утром, а утро в городке наступало поздно, разве что не после обеда, Рамина проснулся и, еще не разомкнув глаз, улыбнулся солнцу, поскольку жизнь показалась ему прекраснее клубничного мармелада, намазанного на свежий кусок деревенского хлеба. До убийства почтальона Жерара оставалось всего четыре часа...»*

Екатерина Наумовна сидела на кухне с чашкой чая и внимательно вслушивалась в Мишкин шепот. Мишка

читала вслух часами, тихо, чтобы не сорвать голос, который после первых ста страниц «Стальных колец» хрипел несколько дней. «Стальные кольца», «Берега голубых озер», «Последнее лето птиц», «Закат рябин» и «Маски прошлых зим» Мишка осилила за два месяца. Потом ее голос стих: Мишка стала читать про себя, и дело пошло быстрее. Екатерина Наумовна правильно рассудила, что начинать воспитание девочки нужно было именно с детективов: после десятка романов Аир Мишка переключилась на Стаута. На нижней полке кухонного шкафа ее ожидало «Имя розы» Эко. Екатерина Наумовна надеялась, что к лету внучке можно будет подсунуть Достоевского.

Мишка читала с большим удовольствием, потому что за «музыкальную» осень, под звон старых струн, которые каждый день приходилось заново подтягивать, чтобы они издавали хоть какой-то звук, у нее в голове образовалась большая пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Лежа на ковре, Мишка задавалась простым вопросом: почему папа бросил ее сразу, когда она родилась, а мама — только когда ей исполнилось шесть лет? Про то, что мама ее бросила, Мишка знала из подслушанного взрослого разговора.

Екатерина Наумовна думала, что Мишка уже заснула, и поэтому решила расспросить дядю Сережу о путешествии Марии.

— Не вернется она, я думаю, — сказал Сережа. Дальше Мишка слушать не стала: зачем? С мамой все было ясно.

В Мишкиной голове папа уехал в город Тель-Авив, а значит, мама должна была сделать что-то похожее. Перед глазами все время стояло странное «Губер-Кабаевск», и как-то так вышло, что мама уехала именно туда. Мишка представляла себе северный город, в котором собираются разные неудавшиеся художники и актеры. Северный, потому что дядя Сережа однажды назвал маму «отмороженной», а неудавшиеся, потому что дядя Миша, известный и успешный (как говорила Екатерина Наумовна) художник, жил в Москве и Лондоне, но не в Губер-Кабаевске. За месяцы игры на гитаре Мишка успела придумать целый мир вокруг этого городка, хотя ей, конечно, не приходило в голову, что она что-то придумывает. Ей казалось, что картинки у нее в голове складываются из рассказов взрослых и собственных воспоминаний: что-то говорили Екатерина Наумовна и дядя Сережа, что-то Мишка помнила из раннего детства.

Чем больше представляла себе Мишка, тем больше картинки противоречили друг другу. То мама жила в квартире, то в палатке, то ночевала у друзей или родственников, то на улице. Названия — Будапешт, Киев, Суздаль, Новгород, Рублевка — звучали все время разные, Губер-Кабаевск же никогда не назывался, из чего Мишка заключила, что слово это неприличное. Еще дважды от мамы приходили письма, и в обоих она просила у Екатерины Наумовны денег, что было странно, потому что Мишка считала, что в Губер-Кабаевске деньгами не пользуются. Это предположение, по всей видимости, взялось из какой-то

сказки, которую мама рассказывала ей еще во время совместной жизни. Чем больше становилось картинок, тем труднее было удержать их в голове и, главное, поверить в то, что все они правдивые.

Когда бабушка подсунула Мишке «Стальные кольца» Эсфирь Аир, город Губер-Кабаевск как раз начал рушиться под давлением неоспоримых фактов. Мама внезапно навестила Москву и даже забежала на пару часов к Екатерине Наумовне и Мишке, у которых как раз сидел дядя Сережа, и ни разу за это время не упомянула своего пребывания в Губер-Кабаевске. По ее рассказу выходило, что она не сидела на месте, а все время куда-то ехала, шла или добиралась.

Мама предупредила, что уедет еще на полгода и постарается писать письма, но ничего не обещает, потому что на Камчатке, а она ехала на Камчатку, может не быть почтового отделения. Тут дядя Сережа засмеялся и впервые на Мишкиной памяти прямо сказал сестре, что она слишком много выдумывает.

— Почта сейчас и в джунглях есть, а с Камчатки можно звонить хоть каждый день, — сказал дядя Сережа. Мама вспыхнула, но тут же нашлась.

— Мы будем все время в лесу, далеко от города, — сказала она. Губер-Кабаевск исчез, распался на отдельные слова и фразочки. В образовавшуюся пустоту Мишка поместила приключения Рамины Брамма. Потом в ее жизни было много сыщиков: и элегантный шовинист Эраст Петрович Фандорин, и прогрессивная шведка Лисбет Саландер, — но именно француз,